

Memento mori

На днях на мой стол лёг пахнувший типографской краской фолиант Л.В. Канторовича «Избранные сочинения. Математико-экономические работы», выпущенный издательством «Наука» в Новосибирске. Шикарное издание навеяло горечь и грусть. Разговор о таком томе мне довелось вести с Канторовичем незадолго до его кончины 7 апреля 1986 г. в московском академическом стационаре. Канторович интенсивно работал до последней возможности: давал интервью, писал статьи, планировал будущее без него.

В дни памяти рассеивается привычный фимиам и тускнеет стандартный глянец. Путь Канторовича не череда парадов и наградений — это тропа многолетней войны с косностью, невежеством, злобой и непониманием. Эпоха СССР в истории России — время общих триумфов и личных трагедий, светлых побед и мрачного людоедства. Отказ от универсального гуманизма — главная нравственная потеря советского общества. Экспрессы коллективистской эсхатологии не обходили стороной науку. Канторовичу пришлось столкнуться с немалым числом гнусностей, творившихся и в математике, и в экономике. Пышно расцветал карьеризм, среди главных симптомов которого тех лет были как «вомарксование» и «вокапээсэе», так и антисемитизм, осложнённый ненавистью к любым формам диссидентства.

Необязательно стать расистом или сильником для того, чтобы превратиться в злодея. Возможностей тут накопилось немало. Тем не менее, ксенофобия была и остаётся козырным тузом негодяйства во всём мире. Антисемитизм не исчезал в царской России, так как Россия никогда не была светским государством. После Октябрьской революции были предприняты попытки секуляризации общественной жизни, но они скоро сошли на нет. Ту же судьбу постигли многие другие утопические, если не маниловские, мечтания российской интеллигенции. Свобода совести и научность не смогли противостоять сталинщине. ВКП(б) приобрела родовые черты тоталитарной секты, которые нигде не делились и в КПСС после развенчания культа личности.

Бытовой антисемитизм негласно поощрялся и даже инспирировался партийными бонзами, став весьма эффективным механизмом построения карьеры в годы исхода евреев из страны.

Негативные процессы в стране не обходили стороной Канторовича и его окружение. Тормозились или проваливались диссертации сотрудников Канторовича, чинились препятствия публикации книг, уродовались статьи и волокитились предложения. Дело дошло до краткосрочного помещения Канторовича в психушку после его бесстрашной, но безуспешной атаки на лженаучную «машинную дешифровку письма майя». Во времена победившего и развитого социализма мерзость часто рядилась в рясы «попов от марксизма», пытавшихся дезавуировать экономические идеи Канторовича и их автора. Математизация экономики, предложенная Канторовичем, лиша-

ла внешнего налёта профессионализма всех его оппонентов, неспособных соответствовать вызовам новых реалий.

Неприемлемость концепции Канторовича для верхушки советских экономистов была связана с полным непониманием роли «объективно обусловленных оценок», характерным для вульгаризаторов теории трудовой стоимости К. Маркса. Новизна идей Канторовича для «антисоветских» экономистов состояла в том, что цены в его теории формируются при выборе оптимального плана производства, а не на рынке. Рынок для Канторовича — это механизм экспериментального определения оптимальных цен производства. Канторович был большим учёным, чем любой записной «марксист» вроде К.В. Островитянова. Между тем, улица Островитянова в Москве есть, а улицы Канторовича в России нет. Злодейство изобретательно. Все помнят прометеевы муки. Поэтому современным героям мстят замалчиванием и забвением.

Канторович рассчитывал на публикацию своих математико-экономических трудов в последние недели борьбы с просмотренным врачами раком. У него был контракт с издательством Гордон и Брич на двухтомник в серии «Классики советской математики». Первый том Канторович планировал посвятить своим работам в области математики и попросил меня принять участие в его редактировании. Второй том был отведён математической экономике. Работ по математике было вскоре подготовлено с избытком. Экономический том в издательство так и не поступил — Канторович был не нужен местным идеологам переходной экономики. Поэтому двухтомник его сочинений вышел без тех работ, за которые Канторович стал всемирно известен за пределами математики.

В 2007 г. А.Г. Аганбегян обратился с предложением к руководству Сибирского отделения РАН об издании тома математико-экономических трудов Канторовича в Новосибирске, поскольку осуществить публикацию в Москве не удалось в течение 20 лет после кончины Канторовича. В редакторы Аганбегян предложил С.С. Кутателадзе. В том должны были войти неопубликованные ранее материалы из личного архива Канторовича. Поэтому по моему предложению соредактор стал И.В. Романовский, профессор СПбГУ, выдающийся специалист по линейному программированию, зять и соратник Канторовича. Финансовая помощь Президиума СО РАН и РФФИ позволили завершить издание к 100-летию Канторовича. В Сибирском отделении в 1959 г. Канторович опубликовал «Экономический расчёт наилучшего использования ресурсов» — книгу, пролежавшую в столе 17 лет и принесшую ему Нобелевскую премию. Сибирское отделение выполнило и последнюю волю Канторовича...

«Смерть не существует ни для живых, ни для мёртвых» — учил Эпикур. Знакомые софизмы уводят от реальности. Жизнь конечна, и её надо завершать достойно. Канторовичу это удалось.

С. Кутателадзе